ПРАВОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МАРИИ АНДРЕЕВНЫ ЕРОХОВОЙ
К.Ю.Н., ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТНИКА ЮСТИЦИИ ТРЕТЬЕГО КЛАССА

В ПОДДЕРЖКУ ЖАЛОБЫ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ ПО ВОПРОСУ КОНКУРЕНЦИИ ДОГОВОРНОГО И ДЕЛИКТНОГО ИСКОВ

25 февраля 2026 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Об авторе заключения 3

2. Постановка проблемы – соответствует ли Конституции РФ судебная практика, поддерживающая обход с помощью иска из причинения вреда условий договора, в том числе о применимом праве? 4

3. Краткая позиция – из-за противоречивой практики российское правоприменение нуждается в конституционно–правовом осмыслении проблемы обхода договорных условий с помощью деликтного иска 5

4. Обоснование позиции

4.1. О конкуренции исков как явлении, когда одно правоотношение может быть квалифицировано с точки зрения разных норм права 7

4.2. Недопущение конкуренции исков не противоречит праву истца выбирать способ защиты, поскольку квалификация спора и определение подлежащих применению норм права осуществляются судом 9

4.3. В российском праве квалификация отношения, то есть определение норм права, подлежащих применению для разрешения спора, возложена на суд 10

4.4. Конституционно-правовые проблемы обхода условий договора через деликтный иск: нарушение свободы предпринимательской деятельности (ст. 34 Конституции РФ) и гарантии собственности (ст. 35 Конституции РФ) 12

1. Об авторе заключения

Настоящее заключение подготовлено мной, Ероховой Марией Андреевной, специалистом в области гражданского права и процесса.

С 2002 по 2006 г. я работала над кандидатской диссертацией под руководством к.ю.н. С.А. Сосны и проф., д.ю.н Т.Г. Абовой по теме «Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России». Диссертацию я успешно защитила осенью 2006 года в Институте государства и права Российской Академии Наук. Мне была присвоена ученая степень кандидата юридических наук.

С 2001 по 2002 г. я готовила магистерскую диссертацию под руководством проф., д.ю.н. В.А. Дозорцева и проф., д.ю.н. А.Л. Маковского по теме «Конкуренция исков в гражданском праве». Магистерскую диссертацию я успешно защитила летом 2002 года в Российской школе частного права при Исследовательском центре частного права. Мне была присвоена ученая степень магистра частного права.

Один из выводов, который я сделала по результатам исследований и который был поддержан при защите обеих диссертаций, заключается в том, что российское право не допускает конкуренцию договорного и деликтного исков, когда заявитель с помощью деликтного иска пытается обойти правила, установленные договором.

С 2016 по 2021 г. я занимала должность доцента Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», а с 2015 по 2022 г. – доцента факультета права Московской высшей школы социальных и экономических наук.

С 2005 по 2014 г. я работала в аналитических подразделениях Высшего Арбитражного Суда РФ и готовила проекты разъяснений, в том числе по вопросам защиты права собственности. На меня была возложена функция ключевого разработчика совместного постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам защиты права собственности, которое было принято 29 апреля 2010 под номером 10/22. В ходе работы над этим разъяснением члены рабочей группы обсуждали проблему конкуренции исков и заняли более жесткую позицию, чем я в своем диссертационном исследовании, суть которой в том, что явление конкуренции требований чуждо российской правовой традиции, поскольку может являться способом лишения собственности: например, в случаях заявления реституции вместо виндикации

есть риск лишения имущества добросовестного приобретателя; в случаях заявления деликтного иска вместо договорного есть риск обхода условий договорной ответственности. Позиция нашла выражение в п. 34 совместного поставления.

Прочитав на портале «Право.ру», что в Конституционный Суд РФ подана жалоба с просьбой проверить на предмет соответствия Конституции РФ складывающуюся практику обхода договорного требования с помощью деликтного[1], то есть по вопросу, который много лет находится в фокусе моего интереса, я решила подготовить свое экспертное мнение в поддержку жалобы. Позиция Конституционного Суда РФ крайне важна для дальнейшего развития правоприменительной практики по данной проблеме. Сергей Леонидович Савельев организовал сбор заключений специалистов, и я с надеждой на внимание к проблеме передаю свою позицию через коллег.

2. Постановка проблемы – соответствует ли Конституции РФ судебная практика, поддерживающая обход с помощью иска из причинения вреда условий договора, в том числе о применимом праве?

Гражданские отношения могут возникать из договора и из причинения вреда (деликта). Отношения из договора регулируются главами 25-29 ГК РФ, а также рядом иных положений Кодекса; отношения из причинения вреда регулируются в первую очередь Главой 59 ГК РФ. Условия ответственности из договора и из причинения вреда различны. Кроме того, в договоре может быть выбрано право, применимое к отношениям сторон. С обязательствами из причинения вреда ситуация иная, по общему правилу к деликтам должно применяться право страны, где был причинен вред (ст. 1219 ГК РФ). В основе деления обязательств на договорные и деликтные лежит идея о том, что действительная воля сторон в качестве источника права равнозначна закону, поэтому для суда обязателен не только закон, но и договор[2]. Значит, если в правопорядке обязательства разделены на договорные и из причинения вреда, волеизъявление лица не должно игнорироваться при разрешении споров.

Последние годы российские суды рассматривают множество споров между российскими истцами и иностранными ответчиками о взыскании убытков. В некоторых спорах между истцом и ответчиком существует договор, который ответчик

---

[1] https://pravo.ru/news/261949/ - Европейский банк оспаривает нормы, позволяющие судам игнорировать оговорку о применимом праве, публикация от 12 января 2026 г.

[2] Годэмэ Е. Общая теория обязательств. Пер. с французского Новицкого И.Б. М., 1948. С. 211.

предположительно нарушил, не исполнив свое обязательство из-за иностранных санкций. При этом часто в такие договоры включено соглашение о применении к договору иностранного права, а также арбитражные оговорки или иные условия, меняющие объем ответственности. В настоящее время, как правило, российские истцы, независимо от применения к ним персональных санкций, обращаются в российские суды с иском из причинения вреда и тем самым обходят все договорные условия. Нередко российские истцы занимают позицию, что вред им причинен в Российской Федерации, а значит к спору должно применяться российское право, независимо от факта договорных отношений. Есть вероятность, что с течением времени такая практика станет распространяться на внутренние споры. Например, условия ответственности перевозчика и экспедитора ограничены в договорных нормах, но в деликтных нормах таких ограничений нет.

Вопрос заключается в том, позволяет ли российское право истцу предъявить деликтный иск вместо договорного, если фактическим основанием требования является нарушение договора, и тем самым обходить соглашение о применимом праве, арбитражные оговорки и условия договорной ответственности.

Не нарушают ли ст. 1186 ГК РФ о выборе применимого права и ст. 1219 ГК РФ о применении российского права к деликтам в их интерпретации российскими судами, позволяющими обходить договорные условия с помощью деликтных исков, статьи 34 и 35 Конституции РФ о свободе предпринимательских отношений и гарантии собственности?

3. Краткая позиция – из-за противоречивой практики российское правоприменение нуждается в конституционно-правовом осмыслении проблемы обхода договорных условий с помощью деликтного иска

Формулировки ст. 1186 и 1219 ГК РФ сами по себе не позволяют обходить договорные условия через деликтный иск, однако в настоящее время их интерпретация судами к такому результату приводит.

Преодоление договорного иска деликтным может быть способом лишения собственности и, тем самым, нарушением статьи 35 Конституции РФ. Контрагент по договору полагал, что у него один объем ответственности. Удовлетворение судом деликтного иска при наличии договора показывает, что ответственность у должника иная, т.е. не та, о которой договорились стороны при вступлении в отношения. Стороны

могли договориться об одних условиях сотрудничества, а через деликтный иск эти условия оказываются другими, например, иное применимое право, иной момент исполнения обязательства и прочее. Это очевидно нарушает свободу предпринимательской деятельности, гарантированную статьей 34 Конституции РФ.

В настоящее время позиция Конституционного Суда РФ о возможности обхода договорных условий ответственности с помощью деликтного иска, в том числе по делам с участием иностранных лиц, важна настолько же, насколько к 2003 году общество ожидало высказывания Конституционного Суда РФ по вопросу о возможности обходить правила защиты добросовестного приобретателя с помощью веерной реституции (применение последствий недействительности по цепочке сделок). Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П по проверке на предмет соответствия Конституции РФ статьи 167 ГК РФ (о реституции) сыграло ключевую роль в дальнейшем развитии судебной практики. Сейчас российское правоприменение зашло в тупик с преодолением через деликтный иск договорных условий, включая условий о применимом праве, и российскому юридическому сообществу необходимо конституционно-правовое решение проблемы.

Как показывает анализ практики, российские суды начали принимать противоречивые решения. С одной стороны, есть дела, где Верховный Суд отмечает, что «*при одном и том же нарушении права выбор способа его защиты не должен приводить к возможности изменения исчисления срока исковой давности. В противном случае появляется возможность произвольной манипуляции в ущерб принципу правовой определенности в гражданско-правовых правоотношениях*»[3]. С другой стороны, в иных делах российские суды позволяют обходить, в первую очередь, соглашения о применимом праве через деликтный иск. Например, в деле Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области № А56-22912/2024 ответчик, иностранная компания, ссылается на применение бельгийского права согласно условиям договора, а суд квалифицирует отношение как деликт и далее обосновывает позицию по существу спора через российские нормы деликтного права.

[3] Определение Коллегии по Экономическим Спорам Верховного Суда РФ от 29.05.2025 № 305-ЭС18-24484(22)

Неопределенность в вопросе о защите права – можно ли при наличии договорных отношений решать спор на основе норм о причинении вреда – представляет собой основание для формирования позиции Конституционного Суда РФ:

«...Когда неоднозначность и противоречивость в истолковании и применении правовых норм приводит к коллизии реализуемых на их основе конституционных прав, вопрос об устранении такого противоречия приобретает конституционный аспект и, следовательно, относится к компетенции Конституционного Суда РФ»[4].

4. Обоснование позиции

4.1. О конкуренции исков как явлении, когда одно правоотношение может быть квалифицировано с точки зрения разных норм права

В теории процессуального права выделяется понятие иска в двух смыслах – в материальном и процессуальном[5]. Иск в материальном смысле – это материальное требование истца к ответчику, а иск в процессуальном плане – это обращение к суду с просьбой разрешить спор о праве. С середины XIX века специалисты по гражданскому праву используют словосочетание «конкуренция исков», где под иском понимается материальное требование, то есть проблема конкуренции в большей мере находится в сфере материального права.

В теории гражданского права под конкуренцией исков (или, иными словами, требований) принято понимать явление, когда из тождественных фактических обстоятельств следует несколько вариантов требований к одному и тому же субъекту[6]. Если требования альтернативны – убытки из договора или возмещение вреда по деликтным правилам, перед нами альтернативная конкуренция; если кумулятивны, то есть не исключают друг друга, это кумулятивная конкуренция – убытки и расторжение договора или возврат вещи и возмещение убытков. Когда требования следуют из одного основания, например договора, это конкуренция в узком смысле слова; когда из разных оснований, например договора или деликта, это конкуренция в широком смысле.

В настоящем тексте речь будет идти об альтернативной конкуренции исков в широком смысле этого слова, то есть о соотношении требований, вытекающих из разных

---

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.04.2003 № 6-П

[5] Гурвич М.А. Право на иск. АН СССР. М. 1949 г. Стр. 7-45

[6] Подробнее о терминологии Смирнова М.А. Соотношение обязательственных требований в гражданском праве России. Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 7 // Под ред. О.Ю. Шилохвоста. М. 2003. С. 185-209

правовых оснований, но преследующих один и тот же интерес и цель. Альтернативная конкуренция требований является следствием не параллельного существования двух правоотношений, а представляет собой альтернативу в правовой квалификации фактов, поэтому иногда предлагается использовать термин не конкуренция исков, а конкуренция правовых квалификаций иска[7].

В некоторых юрисдикциях сохранено единство договорной и деликтной ответственности и поэтому вопрос конкуренции неуместен; в других юрисдикциях, где договорная и деликтная ответственность различны, проблема альтернативной конкуренции требований есть[8]. Общая тенденция решения проблемы такова, что с помощью деликтного иска нельзя обходить условия договорной ответственности; нельзя с помощью деликтного иска преодолевать невыгодные условия, установленные договором. В результате такого преодоления договорные ограничения могут превратиться в мертвую букву. Такая манипуляция средствами защиты вызывает серьезные сомнения.

В науке гражданского права выделяется также понятие конкуренции лиц, это явление, когда потерпевший имеет выбор, кому предъявлять иск – стороне по договору или третьему лицу, причинившему вред, из-за которого контрагент по договору не исполнил обязательство. Право потерпевшего предъявить иск непосредственно к причинителю вреда, минуя контрагента по договору, иногда также именуется проблемой прямых исков в договорных цепочках. В 2025 году Конституционный Суд РФ счел, что проблема конкуренции лиц заслуживает конституционно-правового осмысления. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.12.2025 № 45-П высказана позиция о несоответствии статье 35 Конституции РФ пункта 2 статьи 797 ГК РФ в части ограничения в средствах защиты собственника груза, не являющегося стороной договора перевозки. В то же время в абз. 5 п. 6 мотивировочной части этого постановления говорится о необходимости уступки права требования в пользу собственника груза. В контексте анализируемой проблемы важно то, что в теме конкуренции лиц Конституционный Суд РФ увидел конституционно-правовую

---

[7] Карапетов А.Г. Комментарий к статье 12 ГК РФ / Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2020. Стр. 1126

[8] Подробнее по вопросу см Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений. Вестник экономического правосудия Российской Федерации № 12/2020. Стр. 91-160

проблему. Значит, следуя этой логике, такая проблема существует и при обходе с помощью деликтного иска договорных условий.

Отношение правопорядка к такому явлению, как конкуренция лиц или исков, – это политика права. Конституционный Суд РФ призван определять векторы развития правопорядка, давать конституционно-правовое толкование нормам права, вызывающим неоднозначное толкование (ст. 125 Конституции), то есть призван наполнять конституционно-правовым смыслом политику права. Вопрос о возможности обхода договорных условий ответственности через деликтный иск (иск из причинения вреда) попадает в эту сферу.

4.2. Недопущение конкуренции исков не противоречит праву истца выбрать способ защиты, поскольку квалификация спора и определение подлежащих применению норм права осуществляются судом

Истец вправе выбрать любой способ защиты права, но квалификация спора, то есть определение подлежащих применению норм права, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ лежит на суде:

«Защита гражданских прав осуществляется способами, указанными неисчерпывающим образом в статье 12 ГК РФ. Выбор способа защиты прав принадлежит правообладателю, который своей волей и в своем интересе может воспользоваться как одним из них, так и несколькими. Вместе с тем выбор способа защиты предопределяется правовыми нормами с учетом характера нарушения и фактических обстоятельств дела, которые должны быть установлены судом при решении вопроса о том, выбран ли истцом надлежащий способ защиты прав (постановления Конституционного Суда РФ от 6.12.2017 № 37-П, от 28.01.2025 № 3-П, от 16.12.2025 № 45-П и др.)»[9].

Поскольку способ защиты права выбирает истец, он может обратиться с иском из причинения вреда, несмотря на наличие договорных отношений. В то же время, суд, установив наличие договорных отношений, должен рассматривать спор на основе норм, регулирующих договорные правоотношения.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.2025 № 45-П

4.3. В российском праве квалификация отношения, то есть определение норм права, подлежащих применению для разрешения спора, возложена на суд

На основании того, кто осуществляет квалификацию спорного отношения – истец или суд – теоретически можно выделить две модели процесса: социальный процесс и либеральный (профессиональный) процесс[10]. Отличие между двумя моделями можно провести по трем направлениям: представление о состязательности; о предмете и основании иска; о роли профессионального представителя.

В либеральной (профессиональной) модели процесса принцип состязательности включает в себя состязание и по фактам (сбору доказательств), и по их правовым оценкам; в социальной модели – только по фактам. В результате квалификацию спорного отношения при профессиональной модели процесса осуществляет истец, а при социальной – суд. Все многообразие представлений о предмете и основании иска для профессионального процесса можно свести к тому, что предмет иска — это материально-правовое требование (притязание), а основание иска имеет две составляющие: фактическую и правовую; в социальном процессе предмет иска – это фактическое требование, а основание иска – факты, которые являются причиной требования. Такое различие представлений о предмете и основании иска можно провести, поскольку в силу диспозитивности процесса суд не может вторгаться в определение предмета и основания. Следовательно, если квалификация спорного отношения возлагается на суд, правовая составляющая уходит из предмета и основания иска. Чертой либерального (профессионального) процесса является наличие профессионального представителя, ответственность которого застрахована, а уровень его подготовки предполагается таким же, как у судьи, поскольку экзамен и судья, и такой профессиональный представитель сдают, как правило, одной комиссии. Во многих современных юрисдикциях в ходе процессуальных реформ, проходивших на протяжении XX века, происходит смешение этих теоретических моделей процесса. С одной стороны, развивается модель профессионального представительства; с другой стороны, господствуют принципы «суд знает право» и «суд управляет делом». В настоящее время, как правило, если истец ошибается в правовой квалификации спора,

---

[10] Гордон В. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль.1902 г. Стр. 39-56; Шварц М.З. Готовы ли мы к профессиональному процессу? Арбитражные споры, № 2-2009

суд может просить уточнить требование, но в итоге суд применяет те нормы права, которые, на его взгляд, являются основанием для решения спора по существу[11].

В России в судах общей юрисдикции процесс всегда был и остается социальным. В арбитражных судах квалификацию спорного отношения долгое время было принято возлагать на истца. При отсутствии профессионального представительства это приводило к тому, что мнение суда и истца по вопросу о правовой квалификации спора не совпадало, и в результате суд отказывал в иске в связи с ненадлежащим способом защиты права, под которым понималась ссылка на неподлежащие применению нормы закона. Большую роль в модификации практики арбитражных судов сыграл Конституционный Суд РФ, который во множестве постановлений высказывался в пользу того, что лицо имеет право выбирать способ защиты права, а задача суда определять подлежащие применению нормы права для решения спора.

С 2010 года в абстрактных разъяснениях Верховного Суда РФ обращается внимание на необходимость квалификации и выбора подлежащих норм права судом, а не истцом. Так, в п. 3 совместного Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 содержится следующее высказывание:

«В соответствии со статьей 148 ГПК РФ или статьей 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд должен определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела. Принимая решение, суд в силу с части 1 статьи 196 ГПК РФ или части 1 статьи 168 АПК РФ определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам...».

Далее в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 добавлено уточнение о необходимости осуществить квалификацию спора на стадии подготовки дела к судебному разбирательству:

«... В соответствии со статьей 148 ГПК РФ или статьей 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о

[11] Подробнее по теме Ерохова М.А. 2015. Защита Права Собственности в Свете Реформы ГК РФ (Protection of Property Rights in the Light of the Reform of the Civil Code of Russian Federation) by Maria Erokhova :: SSRN

юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора...».

Наиболее подробно, как осуществлять правовую квалификацию спора судом, Верховный Суд РФ разъяснил в п. 25 Постановления Пленума от 23.12.2021 № 46:

«Арбитражный суд не связан правовой квалификацией правоотношений, предложенной лицами, участвующими в деле. Изменение правовой квалификации требования (например, со взыскания убытков на взыскание неосновательного обогащения) или правового обоснования требования (например, взыскания на основании норм о поставке на взыскание на основании норм об обязательствах вследствие причинения вреда) не является изменением предмета или основания иска, за исключением случаев, когда истец при изменении правовой квалификации изменяет также требование (предмет иска) и ссылается на иные фактические обстоятельства (основание иска)...»

Таким образом, истец может формулировать требование как угодно и может ссылаться на любые нормы права. В то же время суд должен выяснить, из какого основания возникло спорное правоотношение, и на суд возложено применение норм права, регулирующих спорное правоотношение. Если между сторонами есть договор и спор возник из неисполнения договора, а истец в обоснование требований ссылается на нормы об обязательствах из причинения вреда, суд должен применять нормы договорного права и учитывать условия договора при разрешении спора. Если стороны определили, что к их отношениям применяется иностранное право, значит, российский суд должен решать спор по иностранному материальному праву. Для уяснения содержания иностранного права суд вправе назначить экспертизу (ч. 5 ст. 13-14 АПК РФ; ч. 5 ст. 11 ГПК РФ).

4.4. Конституционно-правовые проблемы обхода условий договора через деликтный иск: нарушение свободы предпринимательской деятельности (ст. 34 Конституции РФ) и гарантии собственности (ст. 35 Конституции РФ)

Обход истцом, а вслед за ним и российским судом, с помощью иска из причинения вреда условий договора об объеме ответственности и о применимом праве нарушает ряд конституционных гарантий.

Статья 34 Конституции РФ гарантирует свободу предпринимательской деятельности. Эта гарантия преломляется в гражданско-правовых отношениях через принцип свободы

договора (ст. 421 ГК РФ) – лица свободны в заключении договора, формулировании его условий и должны исполнять любой соответствующий основам правопорядка договор, даже если модель договора не предусмотрена в Гражданском кодексе. Когда суд игнорирует условия договора, свобода предпринимательства претерпевает ограничения. Лицо рассчитывало на одни правила на случай неисполнения договора, а суд применяет иные правила.

В силу ст. 1210 ГК РФ стороны могут выбрать право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям. Российский суд, рассматривающий спор из договора, связан тем правом, которое выбрали стороны (п. 1 ст. 1186 ГК РФ). В то же время норма иностранного права не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации (п. 1 ст. 1193 ГК РФ). Под публичным порядком в российской практике принято понимать результат, недопустимый с точки зрения российского права; в интерпретации Верховного Суда РФ публичный порядок – *«это фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации»*[12].

Иными словами, у российского суда, который по условиям договора должен применять иностранное право, есть механизм контроля, чтобы нормы иностранного права не нарушили фундаментальные правовые начала российского права.

В п. 3 ст. 1219 ГК РФ содержится правило о том, что, если обязательство, возникающее вследствие причинения вреда, тесно связано с договором между потерпевшим и причинителем вреда, заключенным при осуществлении этими сторонами предпринимательской деятельности, к данному обязательству применяется договорный статут. То есть законодатель даже обязательства из причинения вреда, связанные с возможными параллельными договорными отношениями, привязывает к выбранному сторонами праву. Это показывает необходимость учета волеизъявления сторон. Нынешняя правоприменительная практика, игнорирующая выбор в договоре применимого права, противоречит логике Гражданского кодекса РФ.

---

[12] П. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 N 53 "О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража"

Статья 35 Конституции РФ гарантирует защиту права собственности. Применение судом к должнику по договору деликтных норм не соответствует его волеизъявлению и уменьшает его активы, что в итоге нарушает гарантию защиты собственности.

В российских судебных актах, где договорные условия, включая соглашение о применимом праве, обходятся с помощью деликтного иска, дается санкционное объяснение этому явлению. Суды, как правило, отмечают, что «… *санкционные ограничения, введенные Европейским Союзом, которые препятствовали исполнению обязательства, противоречат основополагающим принципам, которые предусмотрены в Конституции Российской Федерации… Признание судом обязательности соблюдения сторонами спора по рассматриваемому делу установленных постановлениями Европейского Союза экономических санкций будет означать нарушение основополагающих принципов, включая нарушение запрета на злоупотребление правом, то есть будет противоречить публичному порядку Российской Федерации. В связи с изложенным, постановления Европейского Союза не подлежат исполнению на территории Российской Федерации, а нормы иностранного права, устанавливающие санкционные ограничения, не подлежат применению в настоящем деле»*[13].

С одной стороны, желание российского суда защитить российского контрагента на фоне международных санкций понятно.

С другой стороны, суд должен решать любой спор на основании закона и традиции его толкования. Как в доктрине, так и в судебной практике до 2022 года было принято не допускать обхода условий договорной ответственности с помощью иска из причинения вреда. Ссылка на неподлежащие применению нормы права со стороны истца должна исправляться судом путем надлежащей правовой квалификации характера спорного правоотношения.

В российском праве в основе договорной ответственности лежит нарушение договорного обязательства, добровольно принятого на себя должником; в основе деликтной ответственности — нарушение общегражданской обязанности, существование которой не зависит от воли должника. Такое четкое разграничение на уровне закона (глава 25 и глава 59 ГК РФ) исключает смещение с договора на деликт,

[13] Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-22912/2024

особенно ради обхода условий договора[14]. Так утрачивается смысл деления обязательств на договорные и деликтные.

В современном российском праве договорные и деликтные обязательства довольно строго разграничены; приведем ряд отличий между договорной и деликтной ответственностью в России.

1) Условия ответственности различны. В предпринимательских отношениях должник по договору несет ответственность при наличии причинной связи между его действиями и убытками кредитора[15]; вина значения не имеет; причинитель вреда, напротив, отвечает за вину[16].

2) Основания освобождения от ответственности также отличаются: от деликтной ответственности освобождает умысел потерпевшего, а его грубая неосторожность, содействовавшая возникновению или увеличению вреда, позволяет уменьшить размер возмещения (ст. 1083 ГК РФ). При договорной ответственности вина кредитора, содействовавшая увеличению размера убытков, независимо от ее формы дает право суду уменьшить размер ответственности должника, но не освободить его от возмещения убытков (ст. 404 ГК РФ);

3) Условия ответственности за действия привлеченных должником третьих лиц в договорном праве (ст. 403 ГК РФ) отличаются от тех, которые применяются в деликтном праве (ст. 1068 ГК РФ);

4) Общий срок исковой давности по деликтным имущественным требованиям три года, а по договорным может быть установлен сокращенный срок (например, годичный срок

---

[14] Эта мысль сформулирована и обосновывается в книге Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 381–384.

[15] Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» по смыслу ст. 15 и 393 ГК РФ кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками.

[16] Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части пер вой ГК РФ» по общему правилу лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

давности установлен по спорам из договора транспортной экспедиции[17]; также годичный срок – по спорам из договора подряда, ст. 725 ГК РФ и прочее)[18];

5) Иски из причинения вреда могут рассматриваться по месту причинения вреда или по месту нахождения истца (ч. 6 ст. 36 АПК РФ и ст. 29 ГПК РФ); подсудность договорных исков может быть определена соглашением сторон (ст. 37 АПК РФ, ст. 32 ГПК РФ), кроме того, стороны вправе договориться о передаче спора в третейский суд/арбитраж (ст. 33 АПК РФ, ст. 22.1 ГПК РФ);

6) В договоре стороны вправе выбрать применимое право (ст. 1210 ГК РФ).

Игнорирование в настоящее время российскими судами договорных условий с помощью квалификации вслед за истцом отношений как деликтных создает конституционно-правовую проблему.

В настоящее время российские суды при рассмотрении исков против иностранных лиц не только допускают обход условий договора через иск из причинения вреда, но и подчеркивают, что экономические санкции, введенные Европейским Союзом против России и российских лиц противоречат публичному порядку РФ. В то же время по искам против российских лиц российские суды договор не игнорируют и нередко освобождают российских должников от ответственности за неисполнение договора из-за санкций, введенных Европейским Союзом. Например, в деле Арбитражного суда г. Москвы № А40-154386/2022 Альфа-Банк был освобожден от ответственности, а экономические санкции были названы непреодолимой силой. Позиция воспроизводится в ряде других дел, в частности, как иллюстрация, в деле Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области №. А56-95623/2022. Такая ситуация вызывает сомнения с точки зрения статьи 19 и части 3 статьи 62 Конституции РФ о равенстве всех перед законом независимо от национальной принадлежности.

В результате только Конституционный Суд РФ может предложить равновесное решение, как остаться в правовом поле, следовать договору, включая применимое право, не нарушить гарантии собственности и свободы предпринимательской деятельности, но иметь правовую реакцию на принимаемые Европейским Союзом санкции.

---

[17] Статья 13 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности

[18] На эти отличия между договорной и деликтной ответственностью в российском праве указано также в статье Драгуновой Т.В. Стр. 136-137

Эскалационная антиконституционная модель взаимодействия демонстрирует, что агрессия, встречая агрессию, усиливается. Нейтрализация агрессии возможна путем формулирования поведенческой конституционно-правовой максимы, основанной на принципах всеобщего законодательства: равенства (статья 19 Конституции РФ), свободы предпринимательской деятельности (статья 34 Конституции РФ), гарантии собственности (статья 35 Конституции РФ). В контексте практики обхода условий договора через деликтный иск это означает обязанность суда учитывать условия договора, включая положения о применимом иностранном праве, при этом сохраняя возможность не применять его в той части, в которой оно противоречит основам правопорядка Российской Федерации.

С уважением,

Мария Ерохова

25 февраля 2026 года